

БИБЛИОТЕКА АЛЬМАНАХА «СЛОВЕСНОСТЬ»

Книжная серия
«Визитная карточка литератора»

МАКСИМ ЖУКОВ

ПОЭМА НОВОГОДНЯЯ МОЯ

СОЮЗ ЛИТЕРАТОРОВ РОССИИ
МОСКВА

Вест-Консалтинг
2010

М. А. Жуков. ПОЭМА НОВОГОДНЯЯ МОЯ.

Поэма.

М.: Вест-Консалтинг, 2010. — 64 с.

Иллюстрации КАТИ РУБИНОЙ

Максим Александрович Жуков родился 23 февраля 1968 года в Москве. Поэт, прозаик, журналист.

Член Союза литераторов России.

Лауреат международного конкурса «Tamizdat» — специальный приз (2007 г.).

Публикации в газетах: «Гуманитарный Фонд» (1994 г.), «ЛГ» (2009 г.), в журналах: «Мулета — Скват» (1992 г.), «Российский Колокол» (2007 г.), «Знамя» (2007 г.), «Топос» (2008 г.), «Дети Ра» (2009 г.), «Сетевая Словесность» (2009 г.), «Сибирские огни» (2010 г.).

Библиография:

«Московские ригведы»: стихи — Москва: «АРГО-РИСК». 1993 — 30 с.

«П-М-К»: сборник — Рига: SIA «S-Kom», 2007 — 208 с.

ISBN 5-86676-012-6

Заказное издание

Книга выпущена в авторской редакции

© М. А. Жуков, 2010

© Союз литераторов России, идея издания,
составление, предисловие, 2010

© Вест-Консалтинг, оригинал-макет, вёрстка, 2010

ТОМОВ ПРЕМНОГИХ ТЯЖЕЛЕЙ

Бытует мнение, что поэма умерла как жанр. В какой-то мере это справедливое наблюдение. Сейчас обычно так называют ряд стихотворений, объединенных общей тематикой и часто плохо связанных между собой — стилистически, логически, интонационно. Под «сейчас» я подразумеваю не конкретно настоящие дни, но, скажем так, «нулевые» годы. Ведь что произошло в «нулевые»? Сформировался новый слой авторов (в первую очередь поэтов), взявших на вооружение доселе неизвестные пишущим людям методы продвижения своего творчества в массы, а именно — через Интернет. Данный вид раскрутки, как показывает практика, достаточно эффективен: автор сам размещает свои произведения на литсайтах, отвечает на вопросы читателей, переписывается в блогах с братьями по перу, рассылает тексты по электронной почте редакторам изданий и т. п. Не смотрел статистику, да и вряд ли она существует по данному вопросу, но обычно самые разрекламированные авторы в Интернете — это бездарности. Исключения составляют те писатели, что пришли в Сеть уже будучи довольно известными, выпустившие не одну книгу, регулярно участвующие в теледебатах, ведущие персональные колонки и рубрики в газетах.

Но Интернет обладает одним серьезным недостатком. Читать в Сети тексты большого объема чрезвычайно утомительно. Поэтому подборка среднего уровня стихов будет, конечно, прочитана, а вот небольшая поэма, пусть и качественная, — едва ли. Может быть, это и есть главная причина того, что поэмы не очень популярны у современных стихотворцев.

В этой связи мне представляется крайне интересным то, что произошло с поэмой Максима Жукова. В Сети она затерялась. Это не означает, что совсем уж не нашлось людей, которые дочитали бы ее до конца. Такие наверняка были, и ваш покорный слуга — в том числе. Но она не стала событием, ее практически не заметили, не обсуждали, не разбирали, не хвалили и не критиковали, словно бы автор опубликовал проходное стихотворение, которое забывается сразу после

прочтения. А между тем, это крайне любопытное произведение, написанное хорошим языком, исполненное глубокого смысла, остроумное, доставляющее эстетическое наслаждение сколько-нибудь сведущему в поэзии человеку. Не поленился, отправил текст нескольким знакомым литераторам, поинтересовался их мнением и получил восторженные отзывы, просьбы познакомиться с автором. Но ведь в Интернете эта вещь провалилась! Как же так?! Задаю этот вопрос не потому, что не знаю ответа (ответ выше), просто испытываю чувство досады и в какой-то мере обиды за хорошего поэта.

Может быть, осознавая, что произведение это отнюдь не «рядовое», Жуков и решился издать его отдельной книгой. На мой взгляд, затея авантюрная и бессмысленная. Издай он поэму вместе со стихами, ее прочитало бы куда больше людей, чем в Интернете. Кроме того, читатели ознакомились бы и с новыми стихами Максима, появившимися уже после его сборника «П-М-К». И, кто знает, может, эта книга привлекла бы к себе внимание критиков. Теперь же я точнее любовью прорицательницы могу спрогнозировать дальнейшую судьбу этого издания. Оно не затеряется, но и не сделается событием, поскольку не попадает в «формат», и не просто не попадает, но резко противоречит современной издательской практике. Такое мог бы позволить себе раскрученный автор, да и то прежде тысячу раз подумал бы — а стоит ли, а как это отразится на имидже, а что скажут поклонники?

Между тем, в поэме нет (или почти нет) никакой нецензурщины. Это трогательное повествование о том, как автор пытался вступить в один из многочисленных Союзов писателей и как его не приняли, формально — за использование все той же обценной лексики.

На самом же деле отказ был продиктован совсем другими мотивами, мало имеющими отношение к творческим приемам. Сыграла здесь роль и недогадливость лирического героя, увлекшегося спором с литчиновниками, и не вникшим в суть вопроса. Между прочим, поднятая тема более чем актуальна. И познавательна для писателей. И для кандидатов в оные. Это настоящий бич творческих объединений. Сколько доводилось мне встречать за последнее время графоманов, гордо размахивающих корочками того или иного СП. Знат-

но проезжается «обиженный» автор по самим литчиновникам: «Но вязкое молчанье нарушая,/мне Председатель веско возразил:/«Писать, как мыслишь — это дело вкуса,/вы с этим не по адресу пришли». Действительно, не по адресу. То есть не в кассу. Это в точку. Однако между драмой, разыгравшейся в кабинете СП и окончательными выводами, сделать которые герою помогла внезапно вернувшаяся из командировки супруга — целая история с вызовом проститутки на дом, с телефонными переговорами, многочисленными расценками и перечислением услуг, с колоритным сутенером, похожим на культутрегера Дмитрия Кузьмина, и совсем без описания физиологических процессов по причине их отсутствия в сюжете. Мне действительно нравится эта — местами веселая, местами грустная — поэма. И не потому вовсе, что главный герой — творческая личность (писатели почти всегда увлекательно пишут о своем ремесле). Но есть в ней то, чего не хватает большинству современных авторов, особенно тем, кого принято называть актуальными. Смелость! Стремление «писать, как мыслишь» — без оглядки на критиков (которые демонстративно не замечают), на культутрегеров (не отвечают), на редакторов (на письма не отвечают). Много у нас поэтов, якобы принадлежащих к андеграунду, а на самом деле банально раскручивающихся на теме собственной отверженности, подобно мошенникам, выдающим себя за калек и просящих милостыню. Но у Жукова все всерьез. Тут не игра. И поэтому написанное им — серьезно, значимо. Он издает книгу, которая заведомо не будет популярна у многочисленной, читающей публики. Но данная книга, повторю слова классика XIX века, томов премногих тяжелей. Ибо это — настоящее.

Игорь ПЛАНШ

*Мой обрубок с твоей половиной
Сочленится в минувшем году.*

Алексей Цветков

*— Что первым обновленный взгляд найдет? —
— Форель, я вижу, разбивает лед. —*

Михаил Кузмин

1

В оркестре пело раненое море.

Стояли холода. Жена свалила
в командировку в город Будапешт.

Любовница послала на три буквы.
С недавних пор всё к этому и шло.

Последняя активная попытка
«случайно» познакомиться в метро
с двадцатилетней взбалмошной блондинкой
не принесла желанного успеха —
я от нее отстал на Беговой.

...А легкий стук в груди не прерывался,
как будто рыба бьет хвостом об лёд...

Толкаясь, обтекал меня народ
и, задевая сумками, локтями,
теснил к дверям и сильно раздражал.

Я вышел из вагона, огляделся,
платформу, чертыхаясь, пересек
и сел на подошедший тут же поезд,
по схеме четко следующий в центр.
Затем, проехав пару остановок,
на Баррикадной выбрался наверх
и бодро пошагал к Большой Никитской,
где в офисе Московской Городской
организации Российского СП
(или СП России — я не помню,
как нынче называется Союз
писателей, пришедший на замену
советскому могучему СП),
я, миновав охранника внизу,
поднялся по затоптанной дорожке
и отыскал мне нужный кабинет.

За окнами порывисто стелилась
поземка и валил колючий снег.

В витрине через улицу напротив
светилась новогодними огнями
густая синтетическая ель,
напоминая мне о перспективе
семейный праздник встретить без жены,
что, в общем-то, не так уж и хреново
и даже, если честно, хорошо:
прожив с женой бок о бок лет пятнадцать,
с женою редко, собственно, живешь...
(Тем, кто врубился, пожимаю руки,
тем, кто не въехал, надо ль объяснять?)

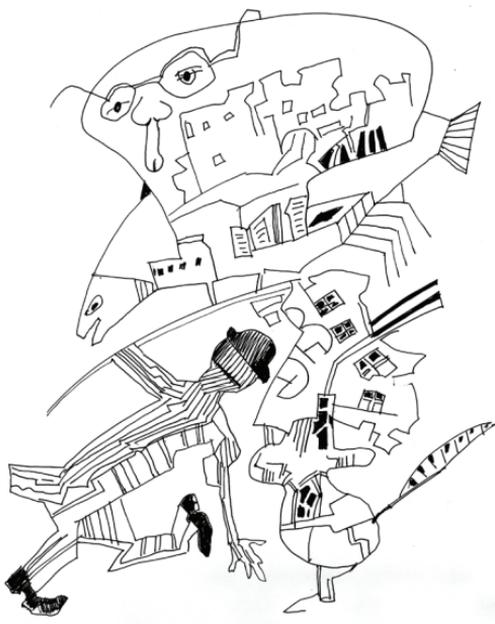
Добротную латунную табличку
окинув взглядом, возле двери я
притормозил, с ухмылкой припомнив
стихи, что накануне прочитал
на сайте литературских Союзов
под именем владельца кабинета
(лауреата, члена... и т. д.),
к которому, договорившись ране,

сегодня я приперся на прием.
Стихи на сайте были вот такие
(я приведу для ясности строфу):

«Когда парадом грезили планеты,
Когда свободой грезили уроды,
Я весел был, как бывший друг поэтов,
Я честен был, как лучший враг народа».

Там дальше появлялся «призрак ада»
«В очередях за водкой», где стоял
когда-то автор... член... лауреат...
«И вспоминая башни Вавилона» (!),
«И забывая сны Армагеддона» (!?),
одеколон к талонам рифмовал...

Я постучал, и «лучший враг народа»
как истинный «поэтов бывший друг»,
по штату не имея секретарши,
«Войдите!» — самолично прокричал.

Не заставляя повторять два раза,
я дернул дверь за ручку и вошел
в заставленное старыми столами
и стульями кривое помещенье
со стопками журналов по углам.
Вы спросите: «А почему кривое?» —
Да все там было как-то вкривь и вкось:
шкафы и шторы, окна и полы,
а также два задумчивых мужчины,
угрюмо посмотревших на меня.

Воротнички рубашек их кривые
торчали косо из-под пиджаков.

Я, улыбнувшись, вежливо спросил,
кто будет Председателем правленья
Московской... — дай бог вспомнить! — областной...
российской... или все-таки России?..
Короче, кто из них двоих главней:
мужик, что за столом сидит напротив,
иль сбоку примостившийся мужик?
По возрасту они, почти что, оба
не различались. Тот, что за столом,
и тот, что примостился с краю рядом,
имели вид начальственный и строгий,
но вместе с тем — помятый, испитой.

Мужчина, восседавший за столом,
кивнул и, поправляя мятый ворот,
признался: Председатель он и есть;
и, выяснив, что я по телефону
с ним лично накануне говорил,
переспросив фамилию и имя,
задумался и предложил присесть.

Я сел, поставив на колени сумку,
в которой книжку тонкую принес
с последними писаньями моими:
компактный сборник прозы и стихов.

2

Я лет в тринадцать начал сочинять;
отверг я рано праздные забавы;
вкусив восторг и слезы вдохновенья,
я стал творить, но в тишине, но втайне
и, слово препарировав, как труп,
и алгеброй гармонию поверив,
в шестнадцать лет, к строке строку рифмуя,
я сделался — ужасный графоман.

В те времена известные поэты
могли собрать народу стадион,
где масса, обалдев, замороженно
внимала их неистовым словам.

Творивший что-то в тишине и втайне,
я выйти — как поэты те — хотел
к народу и излить ему со сцены
восторг души и слезы вдохновенья,
прославиться, в умах укорениться —
И кукиш всем в кармане показать.

В начале девяностых интерес
к поэзии стал непрерывно падать,
и те, кто собирали стадионы,
концертным ограничивались залом —
и то, на тот момент, полупустым.

В кармане кукиш стал неактуальным;

лет через пять все перешли бесславно
в кафе, библиотеки, кабаки.
Восторг души и слезы вдохновенья
уже со сцены стало не излить.
Как ни крути, народная любовь
для пишущих людей необходима,
хотя, конечно, можно без нее,
но пропадает изначальный стимул...

Он у меня в ту пору и пропал.

К чему? Зачем? Кому все это нужно?! —
Я сам себя разгневанно спросил
и, не найдя достойного ответа,
писать забросил.

Раз и навсегда.

Но вот через двенадцать долгих лет,
увидев ненароком в Интернете
свои изрядной давности стихи,
я ощутил прилив ТАКИХ ЭМОЦИЙ,
ТАКИЕ ЧУВСТВА мигом пережил,
что догадался сам себя отгуглить,
и через Яндекс с Рамблером пробить.

В одной непрезентабельной статье
меня упомянул известный критик.
Он написал, что я давно исчез
(цитирую неточно): «С горизонта
литературной, пишущей Москвы»;

где я сейчас, ему-де неизвестно...
«исчез и всё»... и больше ни строки;
я знал его... мы вместе с ним когда-то
пытались самиздатовский журнал,
на «Эрике» подпольно распечатав,
наперекор властям распространять;

у нас в те годы ничего не вышло,
а почему — не помню, хоть убей.

...Мой взор непроизвольно увлажнился,
и по щеке непрошено слеза,
мне кожу обжигая, пробежала, —
подумал я: «О, это слишком верно!
он этим как ремнем меня огрел».
Я вбил еще разок в поисковик
фамилию свою, а также имя
и пару старых стихотворных строк...

Но больше не нашел упоминаний
ни обо мне, ни о моих стихах.

3

Не это ли принудило вернуться
меня к моим трудам литературным?!
И, возбудив тщеславные мечты,
заставило припасть к клавиатуре
и после столь большого перерыва
в себе любовь к писанью воскресить?
Не ведаю.

Должно быть, как ни мучай
себя, как об колено ни ломай,
как ни гноби, как лени ни потворствуй,
ты все равно поймешь когда-нибудь:
в писательстве твое предназначенье,
твоя в нем жизнь, планида и т. п.

Но я отвлекся. Председатель встал
и закурил косую сигарету,
ее из пачки вытащив кривой.

Второй мужчина тоже закурил
привычно и со стула не вставая.
Под потолок клубами взвился дым,
и по канонам худших детективов,
где непременно следователь «злой»
и «добрый» фигурируют в тандеме,
помятые кривые мужики,
разыгрывая «доброе» и «злого»,
неспешное дознание учинили
и тщательный допрос произвели.

Где я живу? Где вырос? Где учился?
Где я сейчас работаю и кем?
Какой объем написанного мною
я предложить готов для рассмотрения
какой-то там комиссией у них,

где принимают важные решения
по членству в вышеназванном СП.

Я сразу же заметил между делом,
что, несмотря на странную дотошность
и строгость всех расспросов, у меня
ни разу даже вкратце не спросили,
в каких журналах я публиковался,
к какой литературе интерес
питаю, кто из авторов мне близок,
а кто неинтересен и далек;
зачем и почему я к ним явился,
и что за политические взгляды
меня прийти подвигли в их Союз.

Как видно, это их не занимало;

зато размер оклада, где сейчас
я спину гну в коммерческой структуре,
чтобы себя с женою прокормить,
им почему-то был небезразличен, —
не меньше, чем налоговой. Ничуть.

Своих доходов прямо не касаясь,
я, чтобы все вопросы разом снять,
достал из сумки тонкую книжонку
свою и, положив ее на стол,
им предложил узнать меня поближе,
глазами по страницам пробежав.

Возникла в тот же миг немая сцена.
Мужчина, что был следователь «злой»
по-доброму, но криво ухмыльнулся;
а «добрый» косо глазками сверкнул;
но, меж собой они переглянувшись,
сказали дружно: «ладно, хорошо!»
и подождать за дверью попросили
меня.

Я молча вышел в коридор.

За окнами стремительно смеркалось;
вдоль улицы включились фонари.

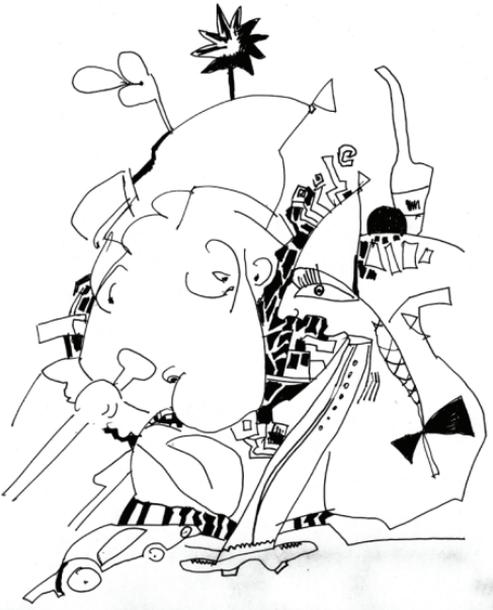
Невольно задержавшись у окна,
я постоял минуту и подумал:
К чему я здесь? Зачем сюда пришел?
Ведь не снискать читательской любви
путем осуществления контакта
с писательскими кадрами страны —
ее дурацким членством не заменишь,
ни в этом, ни в каком-нибудь другом
бессмысленном Союзе, и напрасны
любые наши помыслы, дела,
когда доброжелательный читатель
не только перестал добра желать
писателям серьезным и поэтам,
но просто книг их в руки не берет,
а если уж берет, то непременно
фантастику, иль свежий детектив...
Зачем ему восторг и вдохновенье,
когда, читая, хочет он отвлечься
от дел насущных, тягот и забот?!

Я начал в этом духе размышлять,
кляня себя, читателей и время,
но тут меня уверенно отвлек,
в кармане завибрировав, мобильный —
в динамиках залиvisto Тристан
запел одну из вагнеровских арий,
что я недавно спьяну или сдуру
себе на телефон установил.

— Привет, писатель, как твои дела?

Я даже сразу как-то и не понял...
 Знакомый голос, теплые слова...

Но тотчас, или нет — через мгновение! —
 форель, как спринтер, вырвалась вперед,
 всю душу мне хвостом перевернула
 и, словно камень, замерший в потоке,
 подпрыгнув, сердце боком обошла.
 Узнал, узнал. Своих как не узнаешь?
 — Привет. Дела не очень. Как твои?
 — Здесь, в Будапеште, холодно и сыро,
 партнеры и коллеги — тормоза,
 скорей всего, придется с ними встретить
 в рабочей обстановке Новый год.
 Я помолчал и нехотя промолвил:
 — Скорей всего?
 — Ну да, скорей всего.

Пока не согласованы все пункты
и не подписан Главный договор...

Когда проверить что-то невозможно,
супруге лучше слепо доверять,
чтоб, нервную систему не порушив,
спокойно продолжать совместно жить.

Я отошел со вздохом от окна
и грузно сел в обшарпанное кресло
напротив председательских дверей.
Там, в кабинете, было очень тихо,
Как на погосте в неурочный день.
Наверное, подумал я, читают
стихи и прозу... курят и молчат.

— ...Назад придется поездом поехать,
мне фирма не оплатит самолет
и прочие дорожные издержки;
и это все на фоне здешних цен!..—

из заграничной дали раздавалось,
и над страной сквозь роуминг несло.

Усталый, в неудобном старом кресле,
я слушал невнимательно жену.

Но тут невесть откуда появилась
и коридором медленно прошла
красавица, как с полотна Брюллова, —
должно быть, из редакции газеты
писательской московской городской,
чуть дальше расположенной, налево...
или направо... вдоль по коридору...
за поворотом... в общем, за углом.

Не поправляя алого платочка,
что сполз у ней с жемчужного плеча,
она прошла и мельком посмотрела,
как на пустое место, на меня.

Красавицам бывают интересны
не те, кто в ожидании сидят
в унылых коридорах и приемных,
а те, кто занимают кабинеты
и в них дела великие вершат.

Брюлловская красавица без стука
открыла дверь и в кабинет вошла.

Теперь не скоро господу прочтут
мои велеречивые творенья, —
подумал я и телефон от уха
на пару сантиметров отстранил:
в нем голос слишком громко и активно
уклад российской жизни порицал —
есть у жены моей такое свойство:
во всем винить страну, народ и власть;
и я таким грехом — признаться — грешен;
а кто из нас без этого греха?

— Страна, — звучало в трубке, — и народ,
И, типа, ими избранная власть
меня нечеловечески достали,
как говорил один рок-музыкант:
«мне раньше здесь не нравилось, что было,
теперь мне здесь не нравится, что есть».
Чтоб с ним, не рассуждая, согласиться,
достаточно таможеню раз пройти...

Я встал из кресла, спину распрямляя,
и посмотрел на улицу в окно;

там по асфальту топал Дед Мороз
и нес под мышкой бутафорский посох;
с ним рядом, спотыкаясь и скользя,
Снегурочка пьянущая шагала,
держась за ватный дедушкин рукав.

Их обошел сторонкою прохожий,
и, развернувшись, вслед им посмотрел.
Они прошли вперед. Потом вернулись.

Потом еще, шатаясь и скользя,
прошли вдоль разместившихся у зданий
и тесно припаркованных авто.
Затем, роняя посох, Дед Мороз
остановил пьянущую Снегурку
и к ней в карман, сняв варежку, полез;

Здесь роуминг, треща и прерываясь,
как есть первостатейно оплошал.
И появились в голосе жены
надрывные разгневанные нотки:
— Алло! Алло!!! Ты слышишь или нет?!

Но несколько секунд всего хватило,
чтоб отступили треск, шумы и гул
и я вполне отчетливо услышал:

— Мы каждый день проводим как в деревне,
венгерский «Хилтон» это полный п...

Я, отстранив свой телефон подальше,
за улицей продолжил наблюдать.

А там, подняв упавший наземь посох,
неутомимый Дедушка Мороз,
карманы у Снегурочки обшарив,
автомобильный вытащил брелок
и, наведя его на битый «Opel»,
замки с трудом, но все-таки открыл.

В салон закинув посох и мешок,
и вместе с ними пьяную Снегурку,
за руль уселся Дедушка Мороз
и, двигатель совсем не прогревая,
сорвавшись с места, резко газанул.
Снегурочкина длинная коса,
что дверцей при посадке защемилась,
мне помахала на прощанье бантом
и, по Большой Никитской развеваясь,
в Лапландию, должно быть, унеслась.

Назойливо и громко, между делом,
мне телефон на ухо верещал:
— Ты там смотри, особо не балуйся!
Не пей и баб домой не приводи,
а также по приятелям не шляйся,
и с ними травку — слышишь? — не кури!

Наивные смешные приказанья...
Их исполнять отнюдь не собираясь,
Я, как солдат, ответил браво: ЕСТЬ!

5

Открылась дверь, табличкою сверкнув.
Красавица, как с полотна Брюллова,
из кабинета вышла и тотчас,
завидев напряженную фигуру
мою у потемневшего окна,
проговорила кратко без улыбки:
«зайдите», и уверенно пошла,
оставив дверь намеренно открытой,
по коридору дальше, вероятно,
меня сию секунду позабыв.

Кривые и косые мужики,
скроив непроницаемые лица,
в прокуренном унылом кабинете
сидели рядом за одним столом.
Как раз посередине между ними
и в равном удалении от них,
на пачке замусоленных бумажек
моя лежала тоненькая книжка,
как будто кто-то «чисто специально»
ее туда брезгливо отложил.

Сам Председатель, век не поднимая,
как незабвенный гоголевский Вий,

меня, клонясь и ерзая на стуле, —
«Зачем вы матом пишете?» — спросил.

Я ожидал подобного вопроса,
его мне очень часто задают;
и с возрастом, стесняясь и краснея,
мне на него ответить всё трудней.

— У вас в стихах сплошные инвективы
и в прозе через раз — ненорматив... —
добавил раздраженно Председатель
и веки еще ниже опустил.

Так повелось, что русский славный мат
всегда был подконтролен, подцензурен
и, если попадал с трудом в печать,
то только в виде множественных точек
в набросках, письмах, личных дневниках
и только лишь у классиков почтенных,
чей свод «передовых произведений»
нам в школе с малых лет преподают.

Так было при Царе и при Советах;
но не теперь, не нынче, не сейчас...

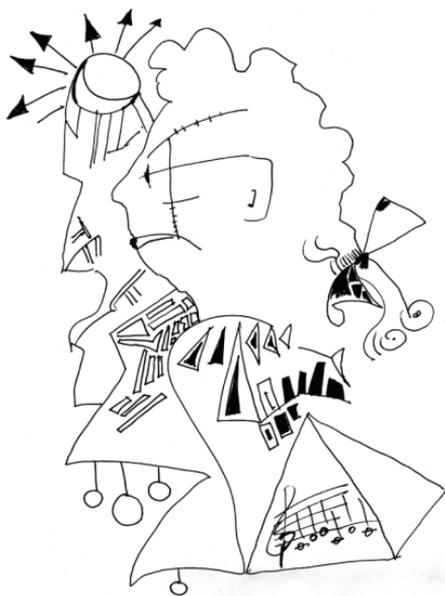
Покуда разрешенный плюрализм,
что был нам двадцать лет назад дарован,
(но, в принципе, всегда существовал
в умах народа и в его суждениях),
хотя бы в Интернете, практикуют
все юзеры и лузеры ЖЖ;
пока не наступила во всю силу
Свободе слова нынешняя власть
на горло милицейским сапожищем;
покуда будет здравствовать и жить
в подлунном мире хоть один писатель,
производящий прозу и стихи,
без всякого сомненья — я уверен! —
ПЕЧАТАТЬ БУДУТ русский славный мат:

в газетах и журналах — как придется...
но в книгах — точно! так же, как в сети!

Все это в голове моей мелькнуло,
блеснуло и в душе отозвалось.

И только я собрался отвечать,
как Председатель, видимо, почуяв,
о чем сейчас пойдет, сгущая краски,
моя изобличительная речь,
поднялся и рассержено добавил
пассаж из слов пяти или шести,
который можно было бы причислить
свободно разве к уличному трёпу
косноязычных глупых малолеток,
что не смогли скамейку поделить
у типового грязного подъезда
в любом поселке, в городе любом.

Что это на поверку означало,
я понял слишком поздно (и с трудом);

скорей всего, должно быть: «мы, мол, тоже,
как говорится, можем как-то так;
однако матом все-таки не пишем,
и, правила приличья уважая,
культурку речи всячески блюдём».

Но, несмотря на злое порицанье
и примененье лексики обценной,
нелепой в Председательских устах,
я произнес, с достоинством помедлив:
КАК МЫСЛЮ, ТАК ГЛАГОЛЮ И ПИШУ!

...Огромный вязкий сгусток тишины
заполнил кабинет и, смачно чавкнув,
застыл, как студень, в воздухе кривом.

Так продолжалось несколько мгновений,
а показалось — Вечность пронеслась.

Но вязкое молчанье нарушая,
мне Председатель веско возразил:
«писать, как мыслишь — это дело вкуса,
вы с этим не по адресу пришли».

Прекрасное — по сути — заявленье,
какие бездны кроются за ним!
Какие гады ползают в тех безднах,
какие страсти в бездны те влекут!
Здесь и тоска, и плач по Госзаказу,
и, если он поступит — Госзаказ —
очередное скрытое стремленье
власть предержавшим сделать anus ling,
тем показав, что ты душой им предан,
как гражданин, писатель, человек...
Здесь есть еще желание стать модным
и, получив рекламу, тиражи —
как пирожки — повсюду продаваться
в известных «книжных», в клубах и с лотков...
Нет, нет — не то... в тех безднах есть другое,
(но есть и то, о чем я говорил)!

Там, в глубине, среди ползающих гадов
и посреди бушующих страстей
одно бытует тайное желанье —
ПИСАТЬ, КАК СКАЖУТ, МЫСЛИТЬ, КАК ВЕЛЯТ,
и, действия с властями согласуя,
признание и статус обрести.

Вот это и скрывается за фразой:
«писать, как мыслишь — это дело вкуса...»

— Вы с этим не по адресу пришли!
продолжил, распаяясь, Председатель, —
у творчества есть Высшие Задачи,
писатели их призваны решать —
прямым педагогическим внушеньем
на светлой просветительской стезе...
без суеты, скабрёзности и мата,
без всяких ваших... этих самых, где...

Но тут, со стула криво приподнявшись,
его второй мужчина перебил.
— Вам надо посетить на Комсомольском
проспекте находящийся Союз,
или Союз писателей российских,
что рядом, через дом, на Поварской.
Или заехать в офис на Неглинной,
где Русский нынче действует ПЕН-центр;
надеюсь, там вас порадушной примут,
оценят и в ряды свои возьмут.

Все это было сказано с ехидством,
но мягким и отнюдь не показным.

— Боюсь, что в изобилии таком
мне будет разобраться слишком сложно;
тем более, скорей всего, едва ль
в любом из существующих союзов
меня любезней встретят, чем у вас,
включая вами названный ПЕН-центр, —
съехидничал мужчине я в ответ;

и с кипы замусоленных бумажек
демонстративно взяв свою книжонку,
ее обратно в сумку положил.

Все та же, словно студень, тишина,
переменяясь с сигаретным дымом,
унылый кабинет заполонила
и надавила плотно на виски.

Я вышел в коридор, не попрощавшись,
но дверь хлопать, все-таки, не стал...

6

Все говорят: нет правды на земле.
Но правды нет и выше. Для меня...

Достоин ль
 терпеть без ропота позор судьбы
 иль надо оказать сопротивление,
 восстать, вооружиться, победить
 или погибнуть? Умереть. Забыться.
 И знать, что этим обрываешь цепь
 сердечных мук и тысячи лишений,
 присущих телу. Это ли не цель
 желанная? Скончаться. Сном забыться,
 уснуть... И видеть сны? Вот в чем вопрос!
 Иль дальше жить, и обивать пороги
 редакций и издательств день за днем,
 выслушивая фыркание сотрудниц
 и вздохи вздорных литсекретарей,
 годами ждать журнальных публикаций,
 рецензий по полгода ожидать?

Так размышляя, точно Датский Принц
 в неточном переводе Пастернака,
 я, по Большой Никитской проходя,
 заметил, что закончилась поземка
 и снег колючий сыпать перестал.

На тротуарах праздничный народ,
 в палатках что-то вечно покупая
 и обходя торговые ряды,
 у станции метро переминался,
 пил Пепси-колу, пиво и жевал.

Кто выдумал, что мирные пейзажи
 не могут быть ареной катастроф?

Я сам купил, сошествуя в метро,
 с котлетой отвратительнейший бургер:
 горчица, кетчуп, лук и майонез
 (что может быть глупее и противней?) —
 Его на эскалаторе вкусив,
 я вдруг свое почувствовал сиротство,

которое нередко, — видит бог —
мужчина, как ребенок, ощущает,
живя один подолгу без жены.

Минуту длилось это наважденье.
Я, в подкативший поезд заходя,
и бургер торопливо доедая,
известную припомнил поговорку:
нет форта в карты — повезет в любви;
хотя, какое может быть везенье,
когда надысь любовница ушла?

Перечитав раз сорок предложение,
что было нацарапано на стенке
вагонной затупившимся ножом:

КАВКАЗ — ДОМОЙ,
ПРАВИТЕЛЬСТВО — ДОЛОЙ!

я по прямой доехал до Кузьминок
и вышел, чертыхаясь, на мороз.

Приобретя газету в переходе —
уже не помню «Жизнь» или «МК» —
я на странице частных объявлений,
где обещают вылечить запой,
за предложением купли и продажи
щенков, котят, ангорских хомячков,
на полосе последней мелким шрифтом
набитый текст, прищурясь, прочитал:

Досуг. Любвеобильные москвички.

«Досуг. Блондинки + Мулатки +»

«Досуг. Очаровашки и красотки»,

Досуг. Девчата-супер!!! VIP

«Досуг от Даши, юные студентки»

«Досуг. Красногвардейская и всюду!»

«Досуг на Юго-западе», «Досуг.

Апартаменты. Выезд. Не салон».

Я слышал от приятелей своих,
сторонников фривольных развлечений,

что если написали «Не салон»,
то жди определенного подвоха...
А, может быть, и правда не салон.

Чем плох салон — поговорим чуть позже;

в груди форель ударила хвостом,
я вынул из кармана свой мобильный,
еще разок в газету заглянул,
и, выбрав объявление поостроже:
«Ирина, релаксация, массаж»,
набрал запоминающийся номер:
512-20-25

...Тянулись в трубке долгие гудки.
Луна как будто с севера светила:
голубоватый леденящий свет.
Последний стыд и полное блаженство!..
А рыба бьет, и бьет, и бьет, и бьет.

9

В салонах, видит бог, бывает грязно;
повсюду пьют и курят; толчея
в прихожей и на кухне; в ванной вечно
стиральная машина-автомат
гудит и громыкает барабаном,
усердно чьи-то шмотки полоща;
за стенкой восседают сутенеры,
отслеживая каждую секунду
оплаченного вами пребывания
в объятьях здешних гурий и наяд:
как правило, по возрасту девицы
не достигают двадцати пяти,
ведь престарелых гурий не бывает,
как не бывает пожилых наяд.

(Когда мы юны, тянет к тем, кто старше;
когда стареем, тянет к тем, кто юн.)

Об этом зная, в общем, понаслышке, —
еще от друга как-то слышал я,
что если посетить салонов двадцать,
то вряд ли обнаружишь хоть один
НОРМАЛЬНЫЙ, то есть именно такой,
где девушки работают на совесть
и предлагают КАЧЕСТВЕННЫЙ секс,
а не абы-какие потрахульки
с ленивым исполнением того,
что ты и так получишь без оплаты
с женой, ее об этом попросив.

Другое дело индивидуалки,
но мы сейчас толкуем не о них...

В салонах, если вы навеселе
зашли туда и выпили еще там,
и если там — не дай бог — напились,
вы можете вполне не досчитаться
в кармане пары тысячных купюр,
а то и, уходя, не обнаружить
ни кошелька, ни дорогих часов.

Еще при посещении салонов
Бывает так, или почти что так:
вы выбрали заманчивое место
в районе или в городе своем
и, позвонив туда, договорились
на время, подходящее для вас.
По телефону вам наобещали
«экстаз и нежность», «свежесть и мечту»,
а также целый ряд отдохновений,
улад, утех, фантазий и причуд.
Вы повелись, вы попросту купились!
Они, сие почувствовав, внесли
в условия визита коррективу
и предложили вам перезвонить,

подъехав к дому, где они снимают
«простое, но уютное» жилье.
Вас, правда, это несколько смутило.
Вы даже попытались разузнать,
чем вызвано такое отношенье?..
Но вам сказали — мы-де в первый раз
вас слышим и не видели ни разу,
а, не увидев, в гости приглашать
боимся, так что лучше у подъезда
внизу иль у ближайшего метро
вас встретит наш надежный «оператор»
или «диспетчер»...

то есть — сутенер! —
как вы, не долго думая, смекнули,
и тут же отказаться собрались...

Но — повторяю! — вы уже купились,
и словно лох чилийский повелись;

а значит, кое-как договорившись,
по адресу к подъезду подкатив,
вы им, как обусловлено, звоните —
один, другой... четвертый, пятый раз!
Там постоянно занято, понеже
у проституток вечно телефон,
особенно, как раз-таки, в салонах
подолгу много пользуют людей:
свои звонят, коллеги и клиенты,
хозяева и местные менты...
Короче, вы на редкость терпеливы,
но и терпению вашему конец
приходит после часа ожиданий
и повторенных сотню раз звонков.

Казалось бы — вот вы, вот ваши деньги,
на миг от разговоров оторвись,
прими звонок, на улицу смотайся,
и в дом к себе клиента приведи.

И деньги «были наши — станут ваши»!
Казалось бы... но то — КАЗАЛОСЬ БЫ...

На самом деле это ж как-то нужно
башку от телефона оторвать,
принять звонок, на улицу смотаться,
и в дом к себе клиента привести...
Потом его по «полной отработать»
и лишь затем наличность получить;

а лень, она — доподлинно известно —
еще до проституток родилась.

Выходит, вы не солоно хлебавши
и времени потративши вагон,
остались у разбитого корыта,
и дальше — больше можете не ждать.

(Такое может, в принципе, случиться
у частнопрактикующих девиц...
Но там не лень, как правило, причиной:
клиент подзадержался, не ушел).

Еще бывают случаи в салонах
гораздо неприглядней и подлей.

Вы дозвонились... та же корректива
в условия визита внесена,
но только обусловленное место
уже не дом, подъезд или метро —
вам предложили встретиться у рынка,
в торговом центре или же в бистро;
вас это тоже несколько смутило,
но вы, как лох, купились, повелись,
подъехали, повторно позвонили
и девушку у входа дождались.
Уже неплохо: вместо сутенера
к вам вышла краля — есть на что взглянуть:
с накрашенным лицом и в мини-юбке,
в ажурных бледно-розовых чулках.

Вы, классный секс в дальнейшем предвкушая,
в услугах и в цене на них сошлись.

Но тут случилась глупая заминка:
у крали, типа, «нету сигарет»,
ей надо затоварить пару пачек
на рынке, в центре или же в бистро.
Такая вот комиссия, Создатель,
быть глупой бабе хахалем на час!
К тому же кошелек она забыла...
И, коли речь «за денежки пошла»,
нельзя ли получить ей предоплату
в размере полной суммы за визит?

Вы, как галантный справный кавалер,
ни капли ни о чём не сожалея,
девицу без вопросов забашляли,
и даже что-то дали ей на чай.

Улыбкой обольстительной сияя,
вас нежно попросили подождать

на улице, пока она заскочит
в торговый центр, на рынок, или в бистро;

вы, как дурак, остались возле входа...

Не знаю, надо ли дальше говорить,
но, простояв на улице с минуту,
и кое-как с трудом сообразив,
что вас элементарно «раскрутили»,
«попутали», «на пальцах развели»;
что вы такого и не ожидали...

Но, несмотря на явный «пападос»,
вы, как сохатый в чашу, ломанулись
за дерзкою обманщицей, туда,
где толпы бродят праздного народа
и после, обнаружив черный ход...

Короче, объяснять не буду дальше,
я думаю, и так понятно все...

Такой расклад у девушек салонных,
всегда для клиентуры припасен,
они его, по слухам, применяют
частенько и последствий не боясь.

Но, зная о раскладе том немало,
я этим знанием как-то пренебрег;
подумал, объявление выбирая:
«салон мне попадется, не салон —
теперь уже значенья не имеет,
когда ни в чем по жизни не везет».

...Пока что в трубке тянутся гудки,
Я захожу в подъезд, в руке газета.
На лестнице накурено, темно...
Последний стыд и полное блаженство!..
«Ирина, релаксация, массаж».

Мембрана тихо щелкнула, и в ухо мне произнёс приятный женский голос:

— Ирина. Я Вас слушаю. Алло?

Я ощутил немедленный отлив душевных сил, как будто уходила из-под льда проворная вода.

Форель хвостом ударила, плеснула, и повторилось нежное: Ал-л-л-о-о-о?

Я из себя, откашливаясь, выжал:

— Я вам по объявлению звоню для выяснения, кхе-кхе-кхе, расценок за час, кхе-кхе, предложенных услуг.

Чреду моих расспросов упреждая, приятный голос вежливо спросил:

— Простите, это ваш контактный номер у нас определился?

— Да, а что?

— Пожалуйста, минуту подождите — мы сами вам сейчас перезвоним.

Какая конспирация, помилуй

и сохрани нас, Всемогущий Бог!

Ты, не успевший стать еще клиентом, уже контактный номер должен дать.

Ну что ж, как говорится, подождем-с!

Я, постояв на лестничной площадке, гремя ключом, стальную дверь открыл.

Встречая темнотой меня, квартира разверзла неуютное нутро.

Я в тапочки, кряхтя, переобулся и в комнату расстроено прошел.

На специальном маленьком столе
перед окном, как раз посередине
стоял аквариум, покрытый сверху
стеклом голубоватым, словно лед.
В воде форель вилась меланхолично
и мелодично билась о стекло.

Я на кушетку выложил мобильный
и в ожиданье рядышком присел.

Через мгновенье, дрогнув на кушетке
и заливаясь, телефон ожил.
Я, замерев, рассеянно помедлил, —
безволие — преддверье высшей воли! —
Последний стыд и полное блаженство!..
Ирина. Релаксация. Массаж.

Представьте удивление мое,
Когда не массажистки нежный голос
напевно в телефоне прозвучал:

— Ты извини, но я звоню по делу.
Ты там один? Ты можешь говорить?

Я, словно очарованный, промолвил:
— Офелия! О радость! Помяни
мои грехи в своих молитвах, нимфа.

И тут же прямо в ухо получил:
— Еще скажи — «как сорок тысяч братьев»...
Ты что несешь? Ты, вообще, здоров?

Я, помолчав, обиженно ответил:
— Благодарю: вполне, вполне, вполне.

Мы с ней расстались восемь дней назад.
Она ушла.

Она не уходила
с тех самых пор из памяти моей.

Все восемь дней со мною происходит
неладное... я как во сне хожу
и вопрошаю сам себя зачем-то,
хотя не знаю, в сущности, зачем:

«ЗАЧЕМ

высоким голосом наитья

ЗАЧЕМ

спокойным голосом рассудка

ЗАЧЕМ

скабресным басом вождельня

ЗАЧЕМ

сухим хихиканьем безумства

ЗАЧЕМ

блаженным космосом толпы

Зачем перелопатили могилы

перекупили лучших летописцев

свернули в матрицу пивные прорицанья

и отраженья в ступе истолкли

когда слепые входят в царство мертвых

когда выходят мертвые из трупов

и как партнеры поднимаются по трапу

и держат паузу как рыбы и пророки

и медленно сошествуют в народ

когда река течет наоборот

и берега срastaются в подвалы

дебилы рвутся в интеллектуалы

и пушки занимают левый ряд

и верные сыны уходят в запевалы

когда трава вмерзает в кованую медь

когда судьба кончается на ять

и хочется пинать ее ногами

и хочется урвать

положенную треть

и выстроить дворцы в помойной яме

а то и просто в землю закопать

а то уж и не хочется

как знать

кому пристало говорить с богами
кому серпом ударить по кимвалам
кому на бочку влезть
и пукнуть в рифму
кому отстать и тенью захлебнуться
изображая только пустоту»

Я говорю, я повторяю это;
и сам не знаю — что я говорю...

— Ты что там в трубку глупости бормочешь?
Ты что там — пьян? Или с ума сошел?

Я промолчал, не зная как ответить.
И дальше — больше слушал и молчал.

— Ты слушаешь?! Отлично! Ну, так вот.
Здесь у меня есть от тебя подарки —
прошу покорно: эту петушню
ты забери и выкинь на помойку
или засунь себе поштучно в ж.

И если там еще найдется место,
свой телефон туда же запихни,
чтоб не звонить мне больше среди ночи
и горьких слез бессмысленно не лить,
былые дни и встречи вспоминая, —
их не вернуть! Ты, вообще, достал!
Два дня назад... — иль ты уже не помнишь! —
ты в три часа бухой мне позвонил
и говорил, что ты как прежде любишь
и умолял, и клялся, и просил
меня — к тебе убогому — вернуться...

— К У-БО-ГО-МУ?! Я так не мог сказать!

— Ну, хорошо: к несчастному...(так лучше?),
к забытому и Богом и людьми.
Ты утверждал, что нет тебе прощенья,
но все равно простить тебя просил.

— О, Господи, спаси нас и помилуй!
Какого обаянья ум погиб...

— Какой там ум?! Ты все рамсы попутал!
Я так скажу — ты не перебивай! —
у нас не разрешают двоеженства,
но я и так не стала бы второй
в твоём немногочисленном гареме,
хотя казалось мне, что я люблю
и жертвую... во имя Высшей Цели!
Мол, ты писатель все-таки, поэт,
и как поэт ты был мне чем-то дорог,
хотя теперь сама не знаю чем.
Но все равно пришла пора расстаться —
любимый ты иль не любимый ты,
значенья никакого не имеет;
зайди, свои подарки заberi
и позабуди мой телефон и адрес,
и облик мой, и голос позабуди.

В ответ на это мне молниеносно
(но запоздало!) в голову пришла
цитата из забытого поэта,
я прокричал ей в трубку, задыхаясь
и свято веря в силу этих строк:

«С любимыми не расставайтесь!
С любимыми не расставайтесь!
С любимыми не расставайтесь!
Всей кровью прорастайте в них, -
И каждый раз навек прощайтесь!
И каждый раз навек прощайтесь!
И каждый раз навек прощайтесь!
Когда уходите на миг!»

Не помогло. Мобильный, тихо пикнув,
по-партизански глухо замолчал.

11

Как говорит один знакомый мой,
Шекспира на корню перевирая:
«коль в сорок лет любовницу имеешь,
еще ты как мужчина не зачах».
Довольно, кстати, спорный афоризм
и малоприменимый...

Между делом,
пока я с полубовницею тёр,
мне не смогла Ирина дозвониться,
сказавшая чуть раньше на прощанье:
«мы сами вам сейчас перезвоним»,
что, кстати, скрытый вызвало протест:
кто эти «мы»? и почему «мы сами»?
Наверняка, мой скромный телефон
у них там без проблем определился...
а значит — перезванивать зачем?

Когда такое множество вопросов —
ни на один не стоит отвечать.

Я резко встал и вышел за газетой,
что обронил в прихожей, заходя.

В себе смиряя нрав интеллигентский,
я миновал застенчивый «массаж»
и зачитал прямые предложенья:
«Досуг. Кристина. Безграничный секс»
«Досуг. Приедем к вам и заласкаем»
«Досуг до результата. Без обмана»
«Досуг. Шикарный бюст. Возможно все».

Из сотни откровенных объявлений
я выбрал лапидарное одно:
«Подружки и любовницы на выбор».
А что? Вполне ликвидно — и смешно.

— Алло, Алло! «Любовницы на выбор»?

Возникло в трубке томное сопрано:
— «Подружки и любовницы»! Да-да?

Проговорив каких-то полчаса,
я выяснил по ходу разговора,
что девушки не любят выезжать,
что если я приеду к ним, то примут
они меня дешевле и теплей,
что — да! — у них любые есть на выбор
и возраст, в среднем, двадцать — двадцать пять...
А также, если надо малолетку,
они поднапрягутся и найдут...
Но если что — они меня не знают,
а я не знаю их:
— ОК?
— Окей...

Мы о путях подъезда поболтали
ко мне и к ним, но я решил — ко мне!

Так будет лучше; к ним довольно долго пришлось бы в зимнем транспорте трястись.

Так, обсудив побочные вопросы, мы к основным вопросам перешли.

— Мы предлагаем девушек на выбор, какую вам сегодня привезти?

— Ну, я... да мне... простите, я не понял?..

— У нас БРЮНЕТКИ есть, БЛОНДИНКИ есть, есть РУСЫЕ, а также есть ШАТЕНКИ, еще на выбор — рост и полнота, размер груди, и талии, и бедер. Все это мы вам можем подобрать. Еще, с учетом ваших предпочтений, мы ряд услуг готовы оказать такого специфического свойства, что вам и в Интернете не найти.

Я удивленно хмыкнул и промямлил:

— А это что еще за «ряд услуг»?

Сопрано в трубке глубоко вздохнуло, и, как с горы на лыжах, понеслось:

— Чтoб oтдыx вaш спoлнa рaзнoбoрaзить, мы вaм вceгдa гoтoвы пpeдлoжить: вxoдящий в пpeйскурaнт OБЫЧНЫЙ СEКС, AНАЛЬНЫЙ СEКС, МИНЕТ В ПРEЗЕРВАТИВE (зa скрoмную дoплaту мoжнo бeз), СEКС ГРУППOВOЙ, С СEМEЙНOЙ ПАРOЙ СEКС, ЛЮБЫE ИГРЫ — мoжнo дaжe СКВИРТИНГ, — нe гoвoря пpo ТРАМПЛИНГ, ФУТ-ФЕТИШ... A тaкжe, пo жeлaнию, ЛЕСБИ-ШOУ — с учaстием oт двyx дo чeтырeх гoтoвых к пpeдстaвлeнию «пoдружек», чтo мoгут стaть «любoвницaми» вaм в пpoцeссe или пoслe... кaк xoтитe. У нaс клиeнт вceгдa бывaeт пpaв,

те случаи, конечно, исключая,
когда он сам захочет быть неправ...

— Простите, это как — когда неправ?

— А это если выберет ЭКСТРИМ
наш посетитель или мы на выезд
ему домой доставим ГОСПОЖУ,
которая готова «отстрапонить»
и «золотым дождем» его полить,
а также сможет вкупе предоставить
АНАЛЬНЫЙ ФИСТИНГ, ПОРКУ и БОНДАЖ...

«Ужасный век, ужасные сердца!» —
подумал я, сопрано прерывая,
и в трубку с отвращением изрек:

— О, нет! Мне, как бы, все это не нужно...

— Так вам не нужно, или же — КАК БЫ?!

Я выбрал из предложенных услуг
незыблемую классику, понеже
негоже умяляться аки раб
пред бабой прирожденному пииту,
хотяше, но не приняту в СП.

Но если говорить вполне серьезно,
мне привезти собрались двух девиц,
чтоб я на месте мог определиться,
кого из них к себе на час забрать.

На том без возражений порешили
и, не прощаясь, оборвали связь.

12

Я посмотрел в окно. Там за узором
морозным, в желтом свете фонаря,
вдоль серого неровного бордюра
ворона шла по снегу, как пингвин.

Кусты — от лютой стужи — с гаражами
по-братски вдоль подъездов обнялись.

Пересекая детскую площадку,
просеменил к помойке чей-то пес,
но, второпях обнюхавши контейнер,
остался недоволен, убежал...

Под снегом, прогреваясь, BMW
мигала габаритными огнями,
должно быть, собираясь в дальний путь;
водитель как сапожник матерился:
кому охота — в холод, в Новый год...

Идиллия нордических широт
была бы за окном, наверно, полной,
когда б не с фейерверком детвора

и взрослые, впадающие в детство,
с петардами, под праздник каждый год.

Я, стоя у окна и наблюдая
начавшийся на улице салют,
судьбы своей перебирая даты,
себя, как поц беспомощный, корил
за то, что не ответил этой дуре —
любовнице, ушедшей от меня, —
как подобает — грустно, но спокойно
(когда она, подарки обзывая
мои обидным словом «петушня»,
осмелилась их предложить засунуть
поштучно в ж.),

как некогда ответил,
прикинувшись безумным, Датский принц
Офелии несчастной: «Вы ошиблись,
я в жизни ничего вам не дарил».
И после, размышляя о морали,
еще добавил: «Я вас не любил».
(Иль как там в переводе Пастернака,
где принц ей говорит про монастырь?..)

Так после драки кулаками машут,
по морде получивши, слабаки...

«Чтоб вновь родиться, надо умереть».
(Так написал поэт, воспевавший рыбу,
тот, что твердил: «Форель, форель, форель!..» —
которую судьба переместила
в мои, вот эти самые, стихи),
Я, умирать отнюдь не собираясь,
решил теперь по-новому зажить.

В канун приезда скорого жены
в моей, как будто не моей, квартире,
где на меня смотрели даже вещи
как на совсем не нужную им вещь,
я подошел и вставил компакт-диск
запиленный с «Тристаном и Изольдой»

в выдавший виды музыкальный центр.
В нем что-то резко щелкнуло, стрельнуло,
но — через силу — музыка пошла.

В оркестре пело раненное море,
в прихожей затрещивал домофон.

13

В динамике на громкое: «Кто там?!»
легко и мелодично прозвучало:
«Подружки и любовницы, тук-тук!»

Я что-то одобрительное буркнул,
нажал на кнопку и девиц впустил.

Открылась дверь. Передо мной застыли
во всей своей сомнительной красе

две девушки. Посередине — парень
сутулый с органайзером в руке.
Все были в красных шапках, как у Санты,
(и, видно по всему, навеселе).

Как говорят районные врачи,
в дверях переминаясь: «Вызывали?» —
мне так же парень, заходя, сказал,
при этом улыбнувшись, и напомнил
улыбкою поэта одного —
о нем я выше говорил немного
в главе по нумерации второй, —
с которым мы когда-то начинали,
совместно самиздатовский журнал
на «Эрике» подпольно распечатав,
негласно по друзьям распространять.

У нас тогда — вы помните? — не вышло,
а почему — не знаю по сей день.

Я дверь пошире радостно открыл
и в темноту подъездную взгляделся...
Но нет! — то был, конечно же, не он,
а бледное о нем напоминанье.
Но все же — и улыбка, и черты,
и волосы, волною кучерявой
спадая на широкий воротник,
его мне словно вспышка осветили...
Теперь я знаю: он давно не тот,
хотя и сохранил остатки сходства
с собою прежним, видным, молодым,
но — жизнь... литературные труды,
а также культуртрегерство сплошное
без передышки, многие года...
Короче, мне отчетливо напомнил
тот паренек былого Кузьмина -
прошу я с КуЗМиным его не путать,
что был в XX веке декадент,
салонный бонвиван и песнопевец.
Так вот, напоминая Кузьмина,

мне паренек на выбор предоставил
из двух девиц любую, но одну.

Как сильно рыба двинула хвостом!

Я выбрал ту, что выглядела старше.
Высокая, с длиннющими ногами,
она была, как ангел, белокура,
и пахла мокрой тушью и вином.

Свой деловито скинув кардиган
и шапочку с помпоном, как у Санты,
она велела деньги передать
парнишке, что, сжимая органайзер
и несколько сутулясь, как Кузьмин,
к машине проводив ее «подружку»,
на лестничной площадке ожидал.

Я вынул портмоне и рассчитался,
извечный принцип олицетворяя

российских стопроцентных предоплат, —
у нас ведь как: о качестве услуг
мы ничего, практически, не знаем,
уже услуги эти оплатив...

На кухню длинноногая прошла
и чаю для начала попросила.
Я, закусив, как фраер, удила,
ей предложил чего-нибудь покрепче.
Она кивнула, пряди собрала
обеими руками на затылке,
из них произведя кобылий хвост,
который вида, в общем-то, не портил
и даже ей к лицу заметно шел;
но, не найдя заколки иль резинки,
она решила, тяжело вздохнув,
оставить все как было, обнимая
раскрытыми ладонями виски,
и на свои уставилась колени,
что были в высоченных сапогах.

Устала, видно, девушка работать —
подумал я и водки ей налил.

Мы с ней еще минуту помолчали.
— Какой по счету вызов? — я спросил,
желая подружиться и поладить...
Она, проигнорировав вопрос,
взяла заправским жестом и махнула,
не дрогнув, ей налитые сто грамм.

«Ну, что за времена! Ну, что за нравы!» —
подумал я и колбасу достал,
нарезал и подал ей на тарелке.
Она тарелку к носу поднесла,
понюхала и, ухватив кусочек
пластинами нарощенных ногтей,
его к себе за щеку запихала
и принялась усиленно жевать.

Я выяснить решил, как звать ее,
и обратился к ней с простым вопросом:
— А как тебя, красавица, зовут?
На что, ко мне стакан пододвигая,
она, не дожидаясь, произнесла
(с прононсом через нос):
— Левомиколь...

— Вот это — жуть! Я никогда не слышал
такого... ну и ну — Левомиколь!

Она с упреком на меня взглянула
и выдала с разбивкой по слогам:
я — Ле-на! или можешь звать Ни-коль!
Николь — второе имя — для клиентов,
для тех, кто плохо дружит с головой.
А так — Еленой в детстве обозвали,
да так — все больше Леной — и зовут.

— Николь в отстой! Елена мне милее.
«Что Троя вам?» когда б не Мандельштам! —
я ей в ответ загадочно промолвил,
она же — ясен пень — не поняла.

В стакан налив повторно сотню грамм,
я поболтать решился с ней на тему
досрочно мной оплаченных услуг:
осведомиться, может быть, она
сама имеет в сексе предпочтения,
с моими неспособные совпасть...

Но, прежде чем начать осведомляться,
я невзначай оплошность допустил —
грубейшую, точнее сказать, ошибку,
из ряда, однозначно, — роковых.

Ошибка та мне вскоре вышла боком.
Но мы вперед не будем забегать.

Я, перед тем как попросить к дивану

Елену поскорее перейти
и там уже начать о предпочтениях
прямой, но щекотливый разговор,
спросил ее, чтоб соблюсти приличие:
«Как жизнь?» или, быть может, — «Как дела?»
Короче говоря, сейчас не помню,
но помню только — взял да и спросил!
На что в ответ услышал я такое,
что лучше б и не спрашивал вовек.

14

Сплошной, непрекращающийся мат
на мой вопрос формальный был ответом...

Так разошлась в момент Лена-Николь,
что показалось — прорвало плотину!
Во множестве своих глагольных форм,
во всем многообразии словесном
тяжелая, разнузданная брань,
переполняя вянущие уши,
потоком мне проникла прямо в мозг.

По перепонкам били матюки,
и, отражаясь в черепной коробке,
прямая речь в предложном падеже
пластами оседала меж извилин
и вызывала головную боль.

Я сам отнюдь не скромник, не ханжа...
и даже, если честно, то поклонник...
чуть не сказал, отчаянный любитель...
Чего уж там: я — ПРОФЕССИОНАЛ
по применению лексики обценной!
(По мере сил — и в прозе, и в стихах...)
За что в Союз писателей и был,
как волк в овечье стадо, недопущен,

был критикуем, изгнан, притеснен!
Как говорится, мне ли возмущаться?!
И, если вспомнить «Горе от ума»,
как возопил хрестоматийный Чацкий:
«карету мне...» —

ах, нет! —

«а судьи кто?»»

И так и есть! И правильно! И точно!
Нам только Бог единый судия!
Она мне кто? Любовница за деньги.
А я ей кто? Очередной клиент...
Но все равно, подумав так, не легче
мне было слушать проститутки мат...
В нем было что-то дикое, болезненное;
употребление злобных инвектив
имеет под собой подчас обиду,
имеет — и другим передает...

Я попытался вытеснить по Фрейду
обиду в подсознание свое,

но у меня тогда не получилось.
Там можно было, только матерясь,
Елену постараться переплюнуть
и, трехэтажным девушку покрыв,
ей показать и класс, и превосходство,
что нам порой дарует интеллект
на фоне виртуозного владенья
ненормативным жестким языком.

Но мне в тот вечер как-то не хотелось
девицу понапрасну обижать.

Я вдруг подумал: Высшие Задачи
у творчества писательского есть!
Я, правда, не на шутку сомневаюсь,
что все они при помощи внушенья
на светлой просветительской стезе
когда-нибудь успешно разрешатся,
как Председатель мне втирал в СП
(как Вий, тяжелых век не поднимая);
писатель — он отнюдь не педагог,
но иногда, усиля прилагая,
он лошадь к водопою подвести
вполне, конечно, может, но навряд ли
он лошадь ту заставит воду пить...
И отношенье к нам у власть имущих
не просто так давно уже не то:
на роль пророков или же трибунов
в писательской разрозненной среде
теперь не обнаружить кандидатов.
Неважно, будь прозаик ты, поэт, —
как в письменах своих ни изгаляйся,
по сути, не изменишь ничего.

Нам несть числа. Народ нас не читает,
хоть матом, хоть без мата пишем мы.

Меж тем, обматерив своих подруг,
секс-индустрии преданных работниц,
Елена, накотив еще сто грамм,

привычно возмутилась москвичами
и на клиентов резво перешла.

И москвичи, когда они клиенты,
и даже не клиенты москвичи —
все были поголовно виноваты
во всех житейских горестях ее.
Наверное, всё бросить в Конотопе
(она призналась, что из этих мест)
и к нам приехать для торговли телом
ее подбили тоже москвичи.

А также здесь — как пленницу содержат,
насилуют, штрафуют, поят, бьют
одни сплошные жители столицы,
причем, из стопроцентных, коренных...

Но я отвлекся. Это всё — не суть.
А суть в другом: наращивая градус
громокипящей ругани своей,
она сумела так его повесить,
что я — без приставаний к ней! — вспотел
и умудрился начисто утратить
важнейшее из прирожденных чувств
(нет-нет, не то, о коем, вероятно,
с ухмылкой вы подумали сейчас).
То было ЧУВСТВО ВРЕМЕНИ — утрату
которого я сходу осознал,
когда в оркестре раненное море
запело во второй по счету раз
(скорей всего, мой музыкальный центр,
сработал так, повторно запуская
с «Тристаном и Изольдой» компакт-диск).

Я на часы стенные покосился.
Николь, перехватив мой беглый взгляд,
туда же быстро глазками стрельнула
и тут же заявила: «Мне пора!»

Действительно, отмеренное время
приведшим проститутку Кузьминым,

вернее, на него похожим парнем,
без двух минут по факту истекло.

Я попытался было возмутиться:
— Ну как же так? — я девушку спросил,
на посошок ей водки наливая, —
Как вышло, что из перечня услуг,
что мне по телефону обещали,
я ни одной за час не получил?

Лицо индифферентное скроив,
Елена мне небрежно отвечала,
что это дело больше не ее,
она свое сегодня отпахала!

И собралась, шатаясь, уходить...

«О, женщины, вам имя вероломство!» —
подумал я и встал, чтоб до прихожей
девицу по-хозяйски довести.

Елена, рефлекторно матерясь,
при входе чуть у двери не упала...
«Зачем позвал? Выслушивал? Платил?» —
в башке моей досадно промелькнуло.
Я подал ей колпак и кардиган
и, дверь во тьму подъезда отворяя,
удачи и успехов пожелал.

Чуть позже, посмотрев в свое окно,
я «Кузьмина» на улице заметил.
Он из машины девицу встречать,
по-молодецки улыбаясь, вышел.
Увидел. Встретил. Сзади посадил.

Приметы и пословицы таят
в себе великий сонм несоответствий.
Когда вам, мягко скажем, не везет
с простым и незатейливым вливанием
в плохой, но крайне нужный вам Союз,

то это, если вспомнить поговорку
про карты, невезенье и любовь,
еще не гарантирует успеха —
ни в картах, ни в карьере, ни в любви.

Так я подумал, подойдя к дивану,
и на него, как перст один, прилег.

15

Я, лежа на поверхности пружинной,
глазами упирался в потолок
и слушал, как форель меланхолично
в воде вилась и била о стекло,
причудливые блики рассыпая
по темному напольному ковру.

Я сам и не заметил, как уснул.

Во сне моем на льду стоял крестьянин,
под ним форель разбить пыталась лед.

Но и во сне, как будто наяву,
подледным соответствуя ударам,
во мне, как колокольный звон, лилось
и через подсознание доносилось,
что — скоро!

скоро!

скоро! — Новый год!

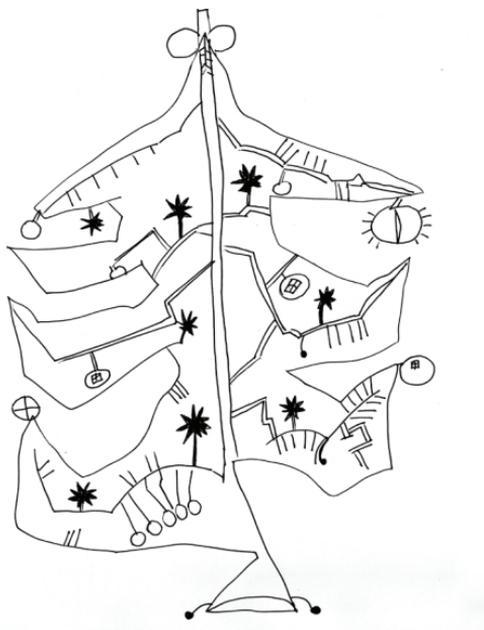
Я спал, пока не загремел в двери
и произвел трехкратное вращенье
в замочном механизме звонкий ключ.

Знакомые послышались шаги,
жена вошла и, топая ногами,
стремясь узнать, я дома или нет,

шутливо из прихожей прокричала:
Я дома, милый! Слышишь?! Ты живой?..

Я ей ответил, кое-как проснувшись,
цитируя поэта одного:
— На самом деле то, что именуют мной, —
Не я один. Нас много. Я — живой.
Чтоб кровь моя остынуть не успела,
Я умирал не раз. О, сколько мертвых тел
Я отделил от собственного тела!
И если б только разум мой прозрел
И в землю устремил пронзительное око,
Он увидал бы там, среди могил, глубоко
Лежащего меня.

Так я, с дивана встав,
ответствовал жене... а сам подумал:
наверно, я в рубашке был рожден —
она же в Будапеште собиралась
в командировке встретить Новый год...

Какой-то час иль может даже меньше —
помыслить страшно: прямо вот — чуть-чуть,
меня бы благоверная застала
с девицей, чьё присутствие в квартире
мне было б крайне трудно объяснить.

Как хрупок наш покой внутрисемейный!
А рыба бьет, и бьет, и бьет, и бьет.

— Я мертвых тел пока не замечаю
у нас в квартире, кроме одного,
которое по дому ходит-бродит
и, вроде как, со мною говорит, —
жена мне укоризненно сказала
и в комнату коробку занесла.
— Вот посмотри, по случаю купила,
когда отправки рейса ожидала
и в «Дьюти-фри» парфюм себе брала, —
продолжила супруга, распечатав
коробку, и, как фокусник, легко
достала из нее еще коробку
с игрушками и разной мишурой.
Помимо новогодних украшений,
в коробочной картонной глубине
угадывалась сложенная елка
в прозрачной упаковке заводской.

— У нас же есть искусственная ель, —
заметил я, сарказма не скрывая, —
она уже который Новый год
без дела возлежит на антресолях!
Во имя поддержания традиций
хозяйке, видно, лень ее достать
да нарядить, как принято в приличных
глубокоуважаемых домах.

— У елки, между прочим, есть хозяин —
он тоже не охотник наряжать, —
сарказм мой игнорируя, сказала
сурово, но незлобиво жена.

— Потом, я, наконец-таки, решила сменить наш новогодний антураж, а то ведь от тебя и не дождешься, чтоб ты хоть что-то к празднику купил.

Не собираясь спорить, я признался, что покупатель из меня плохой, и сразу же спросил, меняя тему:
— Когда сегодня говорили мы с тобой о том да сем по телефону, ты мне сказала, что, скорей всего, тебе придется праздник нынче встретить в компании партнеров и коллег в рабочей — ты сказала — обстановке, — и даже если Главный договор — ты говорила — все-таки подпишут, — тебе от фирмы не перепадет на перелет из Буда до Москва ни одного — ни цента, ни рубля?

Жена достала елку, распушила пластмассовую хвою на ветвях и, в середину комнаты поставив, неспешно приступила наряжать.

— Они наврядли перелет оплатят, но мне их «Хилтон» так поднадоел, что я, с тобой немного пообщавшись, в соседний «люкс» к начальнику зашла и очень популярно объяснила, что у меня в Москве ревнивый муж, что он сейчас звонил по телефону и дома быть мне в праздник наказал.
— И что начальник твой, не возмущался?
— Похныкал, побурчал да отпустил.
Я собралась буквально в три минуты: такси, аэропорт, ближайший рейс...

«Как хорошо, что Венгрия не близко», — я про себя подумал и спросил:

— Ты их не слишком сильно обманула?
— Ой-ой-ой-ой! да в бизнесе у нас
все врут, как раньше ввали в комсомоле.
Ты лучше что тут делал расскажи,
пока меня венгерские пытали
на берегах Дуная упыри.

Я на жену смотрел и, хмурясь, думал:
по Фрейду секс главнее, чем любовь.
Так помышляло много поколений
за рубежом, а после и у нас...
Но если к этой теме присмотреться,
то можно будет ясно разглядеть,
что доктор, что-то, видимо, напутал:
сведи к необходимости всю жизнь —
и человек сравнивается с животным.
Я вам могу ответственно сказать
(на базе многократных наблюдений):
секс без любви — неполноценный секс!
Хоть я и написал, признаюсь, выше —
«прожив с женой бок о бок лет пятнадцать
с женою редко, собственно, живешь», —
я без любви и жить-то с ней не стал бы.
А тут любовь и секс — пятнадцать лет!

Я рассказал ей, как в Союз пытался
вступить и как позорно не вступил,
как книжку демонстрировал и послан
с ехидством был с той книжкой в ПЕН-центр,
или в другой Союз на Комсомольском
проспекте... или в Союз на Поварской...

Жена казалась тихой, отстраненной,
но, выслушав, в ответ произнесла:

— А у меня знакомая недавно
вступила в тот Писательский Союз,
хотя она по жизни графоманка
(я пару текстов у нее прочла...),
но это ей отнюдь не помешало

в Союз без всяких трудностей вступить.
Ей обошлось вступление по курсу
в размере баксов около двухсот...

Жена в сторонку елку наклонила
и посмотрела с грустью на меня:

— Им нужно было просто ДЕНЕГ ДАТЬ
в карман или на лапу прямо сунуть,
а ты, как лох, не въехал, не просек!
Они ведь, словно уличные девки
в союзах этих членство продают.

Я лоб нахмурил и мгновенно понял:
недаром их оклад мой занимал
гораздо больше места публикаций
и взглядов политических моих...

Ну что здесь скажешь? Я, конечно, лох!
Но хорошо, что сразу не врубился.
Слаб человек! Ведь сдуру мог же дать!
Да ну их всех, как говорится, к ляду!
Иль, как на сайтах пишут, — НУИХНАХ!

Жена еще раз с грустью посмотрела
и часть ветвей гирляндой оплела.

Затем рукой пошарила в коробке
и, вынув голубой стеклянный шар,
его на нижней ветке прикрепила;
вздохнула, чуть правее отошла...

Я, глядя на нее, с тоскою вспомнил,
как год назад наметился разрыв
у нашей устаканившейся пары.
Все распадалось, рушилось тогда.
Мы так зашли далёко в отношеньях,
что показалось: шаг еще — и льды,
которые форель уже не сможет,
хвостом манипулируя, разбить.

Как это получилось?

Кто же знает.

Что поминать давнишние дела?

МИНЗДРАВ СССР ПРЕДУПРЕЖДАЕТ:

Все миновалось, молодость прошла.

Мы это — слава Богу! — осознали
и быстро компромисс тогда нашли.

С тех пор живем под сенью компромисса,
а чем он плох — семейный компромисс?
Как говорил один советский классик:
«Везде есть жизнь, и тут была своя».

Жена на ель снежинку нацепила
и мне вопрос серьезный задала:
— Ты, вообще, зачем туда поперся?!
Ведь ты же сам недавно утверждал,
что не снискать читательской любви
при помощи сомнительного членства
в любом из существующих СП.

Я тяжело вздохнул и ей ответил:
— Да утверждал. Да не снискать. Все так!
И, помолчав, расстроено добавил
(заимствуя сентенцию одну):
— Художника обидеть может каждый!

— А ты не обижайся и — пиши!
И делай то, что всяко делать должно,
а там уж — будь что будет, полюбэ...

Я умиротворенно улыбнулся
и молча в знак согласия кивнул.

Жена, осыпав золотым дождем
густую синтетическую хвою,
надела на верхушку тонкий шпиль
и, обойдя наряженную елку,
устало посмотрела на меня.

Мы подошли друг к другу, обнялись
и замерли на краткое мгновенье.
И то не плохо. И потом, я верю,
что лед разбить возможно для форели,
когда она упорна. Вот и всё.

23.02.2009

ПРИМЕЧАНИЯ

*Список авторов, прямо или косвенно
процитированных в данном произведении:*

Александр Блок	(1880 - 1921)
Иосиф Бродский	(1940 - 1996)
Евгений Бунимович	(1954 - ...)
Александр Грибоедов	(1795 - 1829)
Евгений Евтушенко	(1933 - ...)
Николай Заболоцкий	(1903 - 1958)
Илья Ильф	(1897 - 1937)
Евгений Петров	(1903 - 1942)
Нина Искренко	(1951 - 1995)
Лев Котюков	(1947 - ...)
Александр Кочетков	(1900 - 1953)
Дмитрий Кузьмин	(1968 - ...)
Михаил Кузмин	(1872 - 1936)
Осип Мандельштам	(1891 - 1938)
Александр Пушкин	(1799 - 1837)
Зигмунд Фрейд	(1856 - 1939)
Виктор Цой	(1962 - 1990)
Вильям Шекспир	(1564 - 1616)

СОЮЗ ЛИТЕРАТОРОВ РОССИИ
Библиотека альманаха “СЛОВЕСНОСТЬ”

МАКСИМ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЖУКОВ
Поэма новогодняя моя

Книжная серия «Визитная карточка литератора»

Редактор — Евгений Степанов
Верстка — Марина Кива
Корректурa авторская

Бумага офсетная
Гарнитура Calibri
Тираж 100 экземпляров.
Сдано в набор 09.09.2010
Подписано в печать 10.10.2010

Издательство и типография
«Вест-Консалтинг»
109378, г. Москва, Есенинский бульвар,
д. 1/26, корп. 1, офис 34.
Тел. (495) 978 62 75